

**СИТУАЦИОННЫЕ ЭТЮДЫ О «СИТУАЦИИ»:
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ**

Статья посвящена анализу понятия «ситуация», которое стало частью духовной и интеллектуальной культуры современности, существенным содержанием которой являются дискуссии о «фундаментальной ситуации человека», «ситуации человека в мире», «condition humana», «духовной ситуации эпохи», «бытийно-исторической ситуации» и т. д. Выделяются характеристики ситуационного (ситуационно-исторического) сознания как составной части современной духовной культуры. Ситуационный поход рассматривается как методологический и исследовательский вектор данного умонастроения, который нашел свое воплощение в междисциплинарном поле гуманитаристики. Рассматриваются две версии понимания «ситуации» — у Г. В. Ф. Гегеля в «Лекциях по эстетике» и у К. Ясперса в «Духовной ситуации эпохи». В гегелевской версии, в которой понятие «ситуация» не занимало первостепенной позиции, внимание фиксируется на принципиальном различии: состояние — ситуация — коллизия. В версии К. Ясперса, в которой понятия «ситуация», «духовная ситуация», «пограничная ситуация» играют значительную роль,

акцент сделан на ситуационном обосновании принципа первоисторичности личности.

Ключевые слова: ситуация, ситуационно-историческое сознание, ситуационный поход, состояние, коллизия, принцип первоисторичности личности.

Стаття присвячена аналізу поняття «ситуація», яке стало частиною духовної та інтелектуальної культури сучасності, істотним змістом якої є дискусія про «фундаментальну ситуацію людини», «ситуації людини у світі», «condition humana», «духовні ситуації епохи», «буттєво-історичні ситуації» і так далі. Виділяються характеристики ситуаційної (ситуаційно-історичної) свідомості як складової частини сучасної духовної культури. Ситуаційний похід розглядається як методологічний і дослідницький вектор цього умонастрою, який знайшов своє втілення в міждисциплінарному полі гуманітаристики. Розглядаються дві версії розуміння «ситуації» — у Г. В. Ф. Гегеля в «Лекціях з естетики» та у К. Ясперса в «Духовній ситуації епохи». У гегелівській версії, в якій поняття «ситуація» не займало первинної позиції, увага фіксується на принциповому розрізненні: стан — ситуація — колізія. У версії К. Ясперса, в якій поняття «ситуація», «духовна ситуація», «погранична ситуація» відіграють значну роль, акцент зроблений на ситуаційному обґрунтуванні принципу першоїісторичності особи.

Ключові слова: ситуація, ситуаційно-історична свідомість, ситуаційний похід, стан, колізія, принцип первоісторичності особи.

The article is devoted to the analysis of the concept of «situation», which has become part of the spiritual and intellectual culture of our time, the essential content of which is the discussions about the «fundamental human situation», «human situation in the world», «condition humana», «spiritual situation of the epoch», «historical situation», etc. The characteristics of situational (situational-historical) consciousness as an integral part of modern spiritual culture are expressed. The situational approach is considered as a methodological and scientific vector of the situational consciousness, which found its embodiment in the interdisciplinary field of Humanities. Two versions of understanding of the «situation»'s interpretation are described: Hegel in the «Lectures on Aesthetics» and K. Jaspers in the «Spiritual Situation of the Epoch». In the Hegelian version, in which the concept of «situation» did not occupy a paramount position, attention is fixed on the fundamental distinction: the condition — the situation — the collision. In the version of K. Jaspers, in which the concepts «situa-

tion», «*spiritual situation*» play a significant role, the emphasis is on the situational grounding of the primordality of the individual principle.

Key words: situation, situational-historical consciousness, situational approach, condition, collision, the principle of the primordality of the individual.

Памяти моего учителя Ирины Яковлевны Матковской

Данная публикация посвящается моему учителю — профессору философского факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова Ирине Яковлевне Матковской (1928–2017). Именно ей я обязана формированием круга моих научных интересов, в центре которых — интерес к исследованию феноменов «ситуация» и «биография». Вместе с моим научным руководителем мы сформулировали тему кандидатской диссертации «Методологические проблемы ситуационного подхода и его применение в современных гуманитарных исследованиях» [4]. И вместе с Ириной Яковлевной, отталкиваясь от «ситуации» и выработанного нами понимания методологического профиля ситуационного подхода, мы осуществили исследовательский дрейф, приближаясь к биографии как научной проблеме. В начале 2000-х И. Я. Матковская инициировала проведение в Одессе нескольких международных междисциплинарных конференций по биографическому методу. Она стала научным консультантом моей докторской диссертации «Биография как социокультурный феномен: социально-философский анализ» [5]. Теперь я попробую уже самостоятельно с благодарной памятью о моем философском учителе реконструировать некоторые философско-методологические и социокультурные смыслы феномена и концепта «ситуация», увидеть в «ситуации человека» основание, исходный и одновременно результирующий пункт любой жизненной траектории и автобиографической стратегии. А поскольку предполагаемая реконструкция еще не осуществлена в более менее полном объеме, ограничусь здесь лишь первыми подступами, представленными в виде фрагментов — ситуационных этюдов.

Ситуационное, ситуационно-историческое сознание. В определенном смысле сегодня можно говорить о становлении ситуационно-исторического сознания как составной части

духовного самосознания человека современной эпохи. Никогда ранее мыслители различных школ и направлений так пристально не обращались к анализу «фундаментальной ситуации человека», «ситуации человека в мире», «condition humana», «духовной ситуации эпохи», «бытийно-исторической ситуации» и т. д. Чтобы выяснить тенденции развития современной философской культуры, которые органично включают ситуационную проблематику, следует обратить внимание на теоретические позиции Г.-Х. Гадамера, Э. Гуссерля, Р. Дж. Коллингвуда, Х. Ортеги-и-Гассета, Г. Маркузе, К. Поппера, Б. Рассела, Р. Рорти, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, Э. Фромма, М. Фуко, М. Элиаде, Э. Эриксона и многих других. Обострение и актуализация ситуационной проблематики происходит, прежде всего, на сломе эпох, в эпохи переходные. Когда теряются объективно-традиционные ценности и ориентиры, ситуационные проблемы могут быть разрешены на основе личной ответственности и индивидуального выбора.

Активно заговорили о формировании ситуационно-исторического сознания в первые постсоветские годы как альтернативе марксистской «крупноблочной» формационной модели исторического процесса. Появились работы о законах «исторических ситуаций» [6; 7]. Первым в советской философской литературе вопрос о законах исторических ситуаций, отличных от общих законов общественного развития (в истматовской интерпретации), поставил Л. Е. Кертман. Он высказал гипотезу: «Нет ли в многообразии общественного развития таких явлений, процессов, зависимостей, которые обобщаются законами, существенно отличными от законов систем, с принципиально иным уровнем абстракции?» [7, с. 56]. Кертман предложил законы систем (общие законы) дополнить условно называемыми «законами исторических ситуаций» или «конкретно-историческими законами». В завуалированной форме, которая на тот период только и была возможна, здесь содержалась критика универсализирующих общеформационных законов. Как же определялась исследователем специфика законов исторических ситуаций? Этот тип законов соответствует предмету исторической науки в отличие от законов других общественных наук. Главная проблема, которая решается с помощью введения законов исторических ситуаций, формулируется следующим об-

разом: повторяются ли исторические ситуации, поддаются ли они типологическому обобщению? В соответствии с ленинской методологией основанием типологизации стала расстановка классовых сил, взаимоотношение между классами. Так, все многообразие ситуационно-исторических отношений оказалось уложенным в прокрустово ложе «соотношение классов». «Для установления типологического сходства ситуации достаточно, чтобы основные классы занимали в принципе одинаковую позицию по отношению к другим классам» [7, с. 57]. Трудности вычленения заключаются в том, что масштабы, перипетии, действующие лица и исторические декорации не совпадают в различных исторических драмах. В таком виде законы исторических ситуаций налагаются не на явления духовно-культурного порядка, а на социально-политические события (прежде всего на «революционные ситуации»). Кертман настаивает на предварительной проверке условий сопоставимости исторических ситуаций. Иначе происходит произвольное жонглирование историческими аналогиями. Отметим, что иная позиция в определении оснований типологизации сложилась у Э. Ю. Соловьева в знаменитой его работе «Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса» (типологическая общность моделей личной ответственности, реализации решений, нравственных выборов в ситуации, изоморфность биографической и исторической ситуаций) [8], хотя он также не выходил за рамки марксистской парадигмы. Перед нами просто два уровня понимания субъекта ситуационного действия — лично-субъектный и коллективно-субъектный. Э. Соловьев акцентирует внимание на изоморфности исторической и биографической ситуации. И именно на него мы опирались в своем движении от ситуационной к биографической проблематике. Еще одной программной работой философа стала также получившая широкий резонанс работа «Биографический анализ как вид историко-философского исследования» [9].

Далее Кертман подчеркивает «эвентуальный» характер законов исторических ситуаций. Эвентуальность фиксирует не неизбежность, а лишь возможность того или иного поворота событий, поворота, оставляющего открытыми альтернативы. Здесь также отражается более непосредственно роль человека как творца истории. В окончательном виде сущность законов

исторических ситуаций определяется следующим образом: законы исторических ситуаций — специфические законы исторической науки, выражающие механизм действия общих законов и устанавливающие зависимости между типом ситуации и возможностью следствия из этой ситуации.

Единственным монографическим исследованием, посвященным методологии анализа исторических ситуаций, в советское время была работа И. С. Желениной «Историческая ситуация: методология анализа», написанная в русле системного подхода [6]. Исходная гипотеза автора заключалась в следующем: понятие «историческая ситуация» — это переходное звено от абстрактно-теоретического к конкретно-историческому уровню. Анализ же этого промежуточного понятия является настоящей методологической потребностью обозначить дискретные фрагменты исторического целого, ограниченные пространственно-временными рамками. Исследовательница отмечает: именно ситуационно-исторический подход в рамках исторического материализма выводит на первый план роль личности в истории. Но при этом личность самостоятельного значения не имеет, ее активность рассматривается опосредованно, через состояние класса, к которому она принадлежит. Состояние класса — это, безусловно, важный параметр описания личности, но не самодовлеющий. Кроме того, человеку во всей его экзистенциальной проблематике истматовский вариант ситуационного подхода противопоставляет такое образование как «субъективный фактор» (непосредственная живая деятельность субъекта, включенная в саму цепь причинно-следственной детерминации). В связи с этим сравниваются понятия «состояние» и «ситуация», которые на обыденном уровне употребляются часто как синонимы. Подчеркивается «большая нагруженность» понятия «состояние» моментом объективности и большая адекватность понятия «ситуация» субъективно-объективному характеру социальной реальности. Переход от «состояния» к «ситуации» обслуживает следующую исследовательскую потребность: нужна еще такая объективность, когда субъективное (воля и действия субъекта) включается в нее в качестве необходимого звена [6, с. 11, 23]. Мы подробно остановились на работе Желениной, поскольку ее монография представляет собой единственную попытку обобщить опыт освоения и применения понятия «историческая

ситуация» в марксистской советской литературе, описать ситуационный подход в традиции исторического материализма. Мы убедились, что это подход сугубо историцистский. Целое (исторический процесс) является сущностью, определяющим, а сама историческая ситуация (как особенное и единичное) — определяемым, вторичным, ее анализ самоценного значения не имеет, он только помогает прояснить сущность. Сама попытка применения ситуационного подхода в данном контексте имела своим главным импульсом желание актуализировать роль субъективного фактора в историческом процессе. И исходным было определение ситуации как совокупности объективных условий, в которых субъекту приходится действовать определенным образом (ни одной ситуации нельзя определить безотносительно к субъекту). Действительно, здесь достигается определенный эффект, особенно по сравнению с макрочленением исторического процесса (эпохальным, стадийным, формационным и т. д.) Через анализ соотношения сил, стихийных и сознательных компонентов ситуации можно достаточно эффективно характеризовать субъектную деятельность. Тем не менее, субъективный фактор при данном подходе (функционирующем только в сфере социального, только по горизонтали) останется лишь субъективным фактором и не станет личностью в индивидуальном своеобразии ее бытийно-исторических, экзистенциальных, биографических и автобиографических характеристик. Поэтому такие феномены как человеческая свобода, совесть, моральный суд остаются непроницаемыми для слишком «широких» категориальных сетей ситуационного анализа в системном его исполнении. Это замечание сделано не в качестве указания на изъяны и недостатки метода, а в качестве определения его познавательных границ, за пределами которых могут реализовать себя другие методы и подходы, в том числе и ситуационный, но уже в другом варианте.

Ситуационный подход в предлагаемом нами контексте можно интерпретировать как теоретико-методологический вектор ситуационного (ситуационно-исторического) сознания, и вытекающую из него исследовательскую стратегию. Как нам представляется, наиболее емко и ярко такой подход выражен в экзистенциалистской традиции. Он обращен к индивидуально-личностному, точечному, дискретному масштабу социокуль-

турного бытия (масштабу человекосоразмерного). По своему проблемному профилю ситуационный подход наиболее адекватен такому кругу проблем, как сущность человеческой свободы, вины и ответственности, содержание нравственного выбора. Ситуационный подход, наиболее органично связанный с биографическим жанром, может послужить методологической основой биографических исследований, с его помощью могут быть подвергнуты более глубокому и тщательному анализу произведения, написанные в жанре автобиографии, исповеди, жития, опытов. Анализ пограничных ситуаций (где в единой личностной точке совпадают жизнь — смерть, опасность — спасение), входящий в методологический арсенал ситуационного подхода, может иметь благотворное социально-диагностическое и социально-терапевтическое значение, поможет ответить каждому человеку на самые глубокие бытийные и смысложизненные вопросы, поскольку в пограничных ситуациях они ставятся в предельно острой, жизненно-актуальной форме.

Если выразить сущность ситуационного подхода обыденным языком, то она будет выглядеть следующим образом: мы не можем, подобно Мюнхгаузену, «вытащить» себя за волосы из болота и посмотреть на себя и на предметы внешнего мира со стороны. Вне обволакивающего нас со всех сторон «болота» (а именно, того момента мира, той исторической, социокультурной, бытийно-индивидуальной ситуации, где мы обречены пребывать) мы не можем ни существовать, ни создавать истинное представление о самих себе.

Необходимо отметить, что ситуационный подход, естественно, не ограничивается экзистенциалистской в широком смысле версией. Есть и его системный, управленческий, социально-психологический и другие «изводы», на которых мы здесь из-за ограниченности объема публикации не останавливаемся, оставляя за собой возможность в дальнейшем вернуться специально к *situational theory* и *contingency approach* в теории управления и менеджменте или к более детальной экспликации ситуационно-исторического подхода, чем мы здесь приняли в связи с идеями Л. Кертмана и И. Желениной.

Подступы к «ситуации»: Гегель и Ясперс. Г. В. Ф. Гегель: «состояние», «ситуация», «коллизия». Понятие «ситуация» мы находим в гегелевской «Эстетике» (Первое полное издание

лекций по эстетике осуществлено в 1836 г.). Описывая саморазвитие Духа и его погружение в область «противоположностей запутанного земного существования», Гегель вводит определение ситуации. Вступление Духа (в «Эстетике» данного как Идеал) в мир — это способ самораскрытия идеального, ибо только в таком самораскрытии утверждается сила идеи, мощь идеального, а «сила состоит лишь в том, что обладающий ею сохраняет себя в своем отрицании» [3, с. 188]. Таким образом, соприкосновение с внешним миром является испытанием, проверкой и одновременно отрицанием Духа. При рассмотрении этого отношения идеала к внешнему миру появляется «ситуация». Она определяется как особенность состояния, определенность которого вносит в «субстанциальное единство разлад и напряженность, побуждающие к действию» [3, с. 206].

Представление о ситуации дано через категорию «состояние». Ситуация, как одно из определений внешнего мира, является средним, промежуточным членом между общим состоянием мира (как предпосылкой индивидуального действия и характера этого действия) и действием (пониманием ситуации со стороны субъективности и реакцией, посредством которой проявляется борьба и разрешение конфликта). «Ситуация» понадобилась Гегелю при описании диалектики перехода всеобщего, субстанционального в особенное и единичное, она нужна там, где появляется индивидуальность, которая в искусстве несет на себе печать всеобщего (вечных сил, властвующих над миром). Только в ситуации самообнаружение индивидуальности предстает как процесс, в котором всеобщность становится живым, особенным и единичным явлением — образом, воплощающим определенные характеры и действия. Но при этом единичное и особенное не обладают полнотой бытия. Они — лишь способ, которым всеобщее придает себе видимость случайности, раскола и раздвоенности. Поэтому и понятие ситуации не может занять в размышлениях Гегеля самостоятельного значения. Ситуация является лишь условием такого хаотичного, видимого, кажущегося, случайного бытия, предпосылкой подлинного самопроявления и деятельности всего того, что во всеобщем состоянии мира заключено еще в неразвитом виде.

В обыденном сознании ситуация отождествляется с определенными обстоятельствами и состояниями, в которых осу-

ществляются какие-либо процессы. Гегель уходит от подобного отождествления вполне сознательно. Для него, сами по себе взятые, такие обстоятельства не представляют интереса. Они получают значение лишь в их связи с человеком, посредством самосознания которого содержание духовных сил деятельно переводится в явление. Лишь под этим углом зрения следует рассматривать внешние обстоятельства, так как их значение зависит лишь от того, «что они представляют собой для духа, каким способом они осваиваются индивидами и служат для осуществления внутренних духовных потребностей, целей, умонастроений и вообще определенного характера индивидуальных воплощений» [3, с. 206].

Только в этом «очеловеченном» качестве определенные состояния и обстоятельства образуют ситуацию как место, в котором посредством человека и его самосознания может явить себя Дух (Идеал). Ситуация, таким образом, представляет собой состояние, которое приобрело частный характер и стало определенным. Применительно к искусству ситуация в своей определенности способствует проявлению содержания, которое должно получить внешнее осуществление посредством художественного изображения. Кроме общих соображений относительно характера и роли ситуации как таковой, Гегель дает типологию ситуаций, явленных в искусстве. Он расчленяет их в восходящем порядке.

1. Прежде чем ситуация разовьется и станет определенной внутри себя, она получает форму всеобщности и неопределенности, так что сначала мы как бы имеем перед собой ситуацию отсутствия ситуации.

2. Ситуация выходит за пределы всеобщности, переходит к обособлению и становится определенностью, притом, вначале лишь спокойной определенностью, не дающей повода к какому-нибудь антагонизму и его необходимому разрешению.

3. Раздвоение и его определенность составляют сущность ситуации, которая вследствие этого становится коллизией, ведущей к реакциям, и образует как исходный пункт, так и переход к действию в собственном смысле этого слова [3, с. 208].

По отношению к ситуации философ проводит свойственное его системе трехступенчатое членение. Примером ситуации второго типа (в спокойной определенности) Гегель считает си-

туацию игры, поскольку здесь совершается или делается нечто такое, к чему не относятся серьезно, а также ситуация-случай как чисто внешний повод для тесно или слабо связанных с ней проявлений (например, проявлений души или внутренних настроений в лирическом произведении). Подобные ситуации не являются ни действиями, ни стимулами к действию, а отчасти представляют собой определенные, но совершенно простые в себе состояния, отчасти же являются деятельностью, лишенной в самой себе существенной и серьезной цели, которая была бы порождена конфликтами или могла бы привести к таковым.

Серьезный характер и важность ситуации в ее особенных моментах могут иметь место лишь там, где определенность обнаруживает себя как существенное различие и, выступая в противоположности к чему-то другому, порождает коллизию. Так образуется ситуация третьего типа — ситуация-коллизия. В основе коллизии лежит нарушение, которое не может сохраниться в качестве нарушения, а должно быть устранено. Коллизия является таким изменением гармонического состояния, которое должно быть изменено. Здесь Гегель очерчивает границы применения понятия «ситуация». Ситуация-коллизия — это предельный случай ситуации, поскольку она содержит в себе предпосылки и зачатки действия, хотя сама по себе действием не является. Действие же, как мы уже указывали, является третьей, следующей за ситуацией, ступенью внешнего мира, в котором самообнаруживается и самоотрицается Идея.

Таким образом, ситуация оказывается самой непосредственной, ближайшей предпосылкой действия. Ситуация и содержащийся в ней конфликт представляют собой общий стимул. Что же касается самого движения и дифференциации идеала в процессе его деятельности, то это возникает лишь благодаря реакции действующих индивидов. Именно через ситуацию открывается простор активности человеческой индивидуальности, индивидуальности, понятой по-гегелевски, как единственно возможной формы самоосуществления всеобщих субстанциальных сил действия. «Всеобщее содержание этих сил должно сомкнуться в себе и предстать в отдельных индивидах как целостность и единичность» [3, с. 244].

Так в размышлениях Гегеля понятие «ситуация» оказывается некоей мыслительной подпоркой, когда он вступает в

почти необозримую область запутанных связей идеала с миром внешних и относительных явлений. Само нисхождение идеала во внешний мир, мир видимый, случайный, оказывается многоступенчатым. Идеал есть идея, отождествленная со своей реальностью. Отождествление идеала с реальностью — это первая ступень. Ступень вторая — это отождествление данной реальности с человеческой индивидуальностью. Ступень третья — погружение человеческой индивидуальности во внешний мир. Так идеал (прежде всего эстетический идеал прекрасного) предстает в конкретном единстве с некоторым внешним бытием. «Действительное существование человека предполагает наличие окружающего его мира, подобно тому, как статуя бога требует помещения ее в храме» [3, с. 253]. И именно по этой причине рассматриваются многообразные нити, которые связывают идеал с внешней средой и пронизывают ее. Рассмотрев ситуацию как один из важных фрагментов «храма, куда помещена статуя бога», Гегель отдал должное богатым смысловым возможностям понятия «ситуация». Он подчеркнул, что ему пришлось удовлетвориться лишь самыми общими замечаниями относительно определенной ситуации в ее противоположности всеобщему состоянию мира. Сама же идея ситуации творчески плодотворна, оставляет широкое поле для размышлений и включает неисчерпаемое богатство возможностей [3, с. 208, 224]. Правда, это неисчерпаемое богатство возможностей виделось философу как бы в горизонтальном разрезе. Он представлял его как творческое создание различных ситуаций, отыскание интересных ситуаций, которые бы более всего соответствовали определенному виду искусств и давали бы возможность проявиться глубоким и важным интересам, истинному содержанию духа. Вертикальный же разрез — то есть проблематичность и глубина содержания самого понятия «ситуация» — остались им неосознанны.

В содержательном плане ситуация для Гегеля — понятие простое и непритязательное. Ситуация — всего лишь средняя ступень между всеобщим, неподвижным в себе состоянием мира и раскрывшимся в себе для акции и реакции конкретным действием. Поэтому она должна воплощать в себе характер как одной, так и другой крайней ступени и переводить нас от одной из этих ступеней к другой. Симптоматично, на наш взгляд, что

«ситуация» вводится Гегелем именно в лекциях по эстетике. Термин «ситуация» наиболее адекватно отражает трагико-драматическую структуру произведений искусства. Позднее, в XX веке, в различных вариантах ситуационного подхода, так или иначе, выражалась ориентация на уподобление человеческой жизни (как драмы и действия) бытию произведения искусства именно посредством отсылания к свойственной им трагико-драматической структуре. Итак, Гегель, именно там, где он максимально погрузился в мир, в конкретное внешнее бытие, использовал и своеобразно раскрыл понятие «ситуация». Но оно у него сыграло лишь эпизодическую роль.

К. Ясперс: «Духовная ситуация времени» и принцип первоисторичности личности. К. Ясперс одним из первых обозначил область ситуационного подхода в ранней своей работе «Духовная ситуация времени» (1931 г.) [10]. Позднее философ рассматривал «Духовную ситуацию времени», задуманную вне исторических рамок, как дополнение к глубоко историчной по своему характеру работе «Истоки истории и ее цель» (1949 г.). Для Ясперса само осознание исторически определенной ситуации человеческого существования связано с разрывом единства истории, утратой корней. Именно этим коренным образом отличается наш век от всех предыдущих [10, с. 208]. Историческая почва заколебалась под ногами, кончилась эпоха не критического доверия к истории, искусственные модели исторического процесса оказались опрокинутыми. В условиях глубочайшего кризиса и трагического разочарования в истории философ предпринимает попытку отстоять идею целостности и единства человеческой истории. Вместе с тем Ясперсу чужд дух историцизма, его «мнимое тотальное знание истории». Он полагает, что историцистские обоснования идеи целостности и единства истории глубоко ошибочны. Ясперсовское представление о целостности и единстве истории начинается со следующей предпосылки: бытие целого до предела проблематично (и в познавательном, и в онтологическом планах). То, что с историцистской точки зрения является основанием, безусловным, здесь сразу же теряет устойчивость. «Ибо то, из чего я (как отдельный человек, находящийся в определенной ситуации), ни в каком смысле не могу выйти, я не могу увидеть извне» [10, с. 303]. Однако, преодолевая отношение к истории, как к обозримому целому, не следует отказы-

ваться от идеи единства истории. Вопрос заключается в том, как постигнуть это единство. Искомое единство человеческой истории может быть найдено не в общих категориях и исторических законах, а в его фактическом, зримом, единичном образе, который не есть закон, но составляет «тайну истории». «Этот образ мы называем структурой истории. Мы видим свою задачу, чтобы постигнуть ее как духовную действительность человеческого бытия в определенных пространственно-временных рамках» [10, с. 303]. Вырастая из этой напряженной точки философствования немецкого мыслителя, ситуационный подход становится поиском оснований подлинной историчности. Что же собой представляет ясперсовский вариант ситуационного подхода в качестве методологического приема, позволяющего решать определенный ряд познавательных задач? Каково проблемное поле, в котором понятие «ситуация» становится ключевым?

Во-первых, постулируется факт нахождения человека внутри истории (в ограниченных рамках исторически определенной ситуации) и невозможность пребывания над ней. Включение понятия «ситуация», означающее неповторимую констелляцию событий, задающих историческую уникальность определенной человеческой судьбы, в размышления о человеке и истории — это, прежде всего, процедура полагания границ наших знаний и возможностей. Оптимистически-прогрессистскому представлению о безграничных возможностях человеческого познания и действия здесь противопоставляется определенная культура границ, которая, по мнению Ясперса, должна стать составной частью современного исторического сознания. «В наши дни преодолевается то отношение к истории, которое видело в ней обозримое целое. Нет такого завершенного целостного понимания истории, в которое вошли бы и мы. Мы находимся внутри незавершенной, а лишь возможной, постоянно распадающейся обители исторической целостности... Мы повсюду оказываемся у границ, если хотим достигнуть внешних горизонтов, Эти горизонты помогают нам ощутить предъявляемые к нам требования. История наставляет того, кто взирает на нее, обратиться к себе и своему пребыванию в настоящем» [10, с. 272, 274]. Таким образом, человек в своем познании и действии обречен исходить из собственной ситуации, из точки, ограниченной «здесь и теперь»-историчностью, а также конеч-

ностью человека (неотделимой от его свободы) и зависимостью от созданного человеческим сообществом исторического мира. Ясперс постоянно подчеркивает, что собственностью человека может считаться неприкосновенное, тесное пространство его ситуации, которое и определяет принадлежность общему пространству человеческой историчности. Он призывает современного человека, подобно блудному сыну, из чуждых ему пространств и просторов вернуться к своему узкому пространству, к своему изначальному и действительному миру. Кроме того, что человек сам обречен исходить из собственной ситуации, все, к чему он прикасается в своем познании и действии, должно быть введено в его «здесь и теперь», даже если оно превышает человечески-ситуационные масштабы.

К ситуации человека, ограниченной конечностью и «здесь и теперь»-историчностью, предъявляются высокие требования. Именно она становится искомой структурой истории, она может быть как пуста, так и бесконечно наполнена. В ней есть место для исходных измерений — экзистенции и трансценденции, обретая которые, ситуация становится Объемлющим. Описанная нами в общих чертах процедура полагания границ не противоречит поискам единства и целостности истории. Она заключает историческое сознание в рамки некоей полярности. На одном полюсе мы как бы отступаем и видим историю, «подобно далекому горному хребту, в ее целостности, в ее основных линиях и особенных явлениях» [10, с. 275]. На другом — полностью погружаемся в настоящее в его целостности «в данное мгновение, которое есть, в котором нахожусь я, в глубинах которого история становится для меня настоящим, тем, что есть я сам... То и другое необходимо в равной степени — как объективность истории в качестве другого, существующего и без меня, так и субъективность этого «теперь», без которого то другое не имеет для меня смысла... Эта основная ситуация исторического сознания определяет способ того, как мы обнаруживаем структуру истории в ее целостности» [10, с. 275].

Во-вторых, ситуационный подход позволяет отстоять приоритет личностного начала в истории, статус первоисторичности человека. Ясперс был против того, чтобы мерой исторического мышления считалась эпоха. Мерой мышления и масштабом подлинной историчности должен быть человек, сообщающий

облик эпохе. В сферу историчности нас приводит историчность человеческого существования (существования, понятого как экзистенция). «Из точки, где мы в безусловности своей ответственности и выбора своего места в мире, своего решения... становимся бытием, пересекающим время в качестве историчности — из этой точки падают лучи света на историчность истории» [10, с. 278].

Этот принцип «из личностной точки», лежащий в основе ясперсовского (и феноменологически-экзистенциалистского в целом) варианта ситуационного подхода возникает как бы от противного. Ясперс стремится противопоставить этот принцип упрощающим человеческое бытие «интеллектуальным маскировкам человека». Самыми распространенными из них он считает марксизм, психоанализ, расовую теорию. Принцип «из личностной точки» отстаивает безусловность человека, невыводимость ни из каких первопринципов, с его помощью история описывается как ситуация безусловного человеческого действия. Этот принцип предполагает отказ от абстрактного понятия «человечества», в котором тонет отдельный человек. Этот принцип — не столько реплика в интеллектуальной полемике современности, сколько способ духовного самовывживания в нашу кризисную, вышедшую из-под контроля эпоху.

По Ясперсу, в конечном итоге в определенной ситуации может находиться лишь отдельный человек, перемещая ее, мы в состоянии мыслить ситуацию групп, государств, человечества, социальных институтов, духовных образований — науки, философии и т. д. Такое понимание запрещает возлагать ответственность и уповать на наиндивидуальное и всеобщее и требует понимания опасности и риска подлинного действия в мире. Ясперс полагает, что, если мы постигаем в истории общие законы (каузальные связи, структурные законы, диалектическую необходимость), то собственно история остается вне нашего познания. Только познание исторической индивидуальности, всегда неповторимой и уникальной, приближает нас к пониманию истории. Между тем, локализации в пространстве и во времени, индивидуализации как таковой еще недостаточно, чтобы характеризовать индивидуальное в истории. По Ясперсу, человек историчен только как духовное существо, и ситуация подлинного человека — это духовная ситуация. В истории «мы

видим в себе носителей свободы, серьезного решения, независимости от всего мира, видим в себе экзистенцию, дух» [10, с. 249]. Всеобъемлющая историчность связана, таким образом, именно с индивидуально-личностным уровнем духовного бытия человека.

Личностная точка, на которую налагается ответственность за удержание континуума духовного в современном мире, получает в ясперсовской концепции название «самобытие». Теоретически термин «самобытие» разъясняется не столько как определение, сколько как задача. «Самобытие — условие, без которого мир, как наполненная идеей действительность человеческой деятельности, уже невозможен. Поскольку самобытие есть лишь в единстве с бытием своего времени, оно... принуждает решиться на то, чтобы хотеть жить только в это время. Каждый акт действительности самобытия становится пусть даже исчезающе малым зародышем творения мира» [10, с. 415]. Ситуация самобытия означает, что человек налагает на себя запрет игнорировать действительность мира, уклоняться от сложившейся ситуации. Быть действительным в мире, даже если поставленной цели добиться нельзя, — это важнейшее условие существования. Поэтому этос заключается в том, чтобы жить вместе с другими внутри сложившегося массового порядка существования и аппарата власти, не давая им поглотить себя. Возможность близости, единения, коммуникации обладающих самобытием людей — это лучшее, что может быть даровано нам сегодня, это то немногое, что может еще спасти человека от экзистенциального плебейства. Таким образом, ситуация самобытия возрождает стоическую, почти ритуальную дисциплину долга (прежде всего перед самим собой), не взрывающую при этом сложившихся исторических, социальных форм жизни. Пребывание в ситуации самобытия, как полагает Ясперс, требует особого отношения к ситуации исторической. Личное кредо, внутренняя убежденность первичны по отношению к любой стратегии исторического действия. История предстает как «окрестность безусловного человеческого действия». Основная задача исторической ориентировки должна состоять в том, чтобы любые социальные образования и объективные тенденции принять в значении обстоятельств, компонентов ситуации, а не в значении целеуказаний.

Рассмотренный нами в контексте ситуационного подхода принцип Ясперса «из личностной точки» основан на допущении, что ход вещей в мире зависит от того, какими нравственными принципами мы руководствуемся на практике, что «без свободы, без заслуги и вины, само собой в истории не произойдет ничего из того, что для нас наиболее важно» [10, с. 227]. Поэтому данный вариант ситуационного подхода наиболее адекватен рассмотрению именно этической компоненты бытия человека в мире, поскольку здесь эта компонента предстает первичной по отношению ко всем остальным. Полемическая заостренность такой позиции была нами выше рассмотрена. Исходя из положения о том, что историческая действительность этически не нейтральна, Ясперс критикует и стремится преодолеть «ни к чему не обязывающий научный или эстетический историзм, ведущие к тому, что можно руководствоваться чем угодно, поскольку все становится равнозначным» [10, с. 274].

Ясперс рассматривает ситуацию не как природно-закономерную, а как смысловую действительность. Ясперс стремится предельно развести две процедуры: каузальное понимание истории и истолкование смысла. Он сосредоточивает внимание прежде всего на поиске смысла истории и в этом видит гарант ее целостности. История предстает в его видении как открытый интерпретации мир смысловых соотношений. И если существует универсальная связь времен в истории, то эта связь прежде всего смысловая. С. Аверинцев обратил внимание на то, что аксиология Ясперса ситуативна и постольку исторична, но и историзм его строго аксиологичен [1, с. 670].

В качестве смысловой действительности «ситуация» расположена не просто между прошлым и будущим, она — между воспоминанием о прошлом и прогнозом, предвосхищением будущего. Прогноз и воспоминание являются смысло-временными координатами, которые пересекаются в настоящем «здесь и теперь». Однако они не придают устойчивости настоящему (настоящее выступает как самое трудное невыполнимое требование). Они лишь препятствуют разложению человека на короткие, внутренне пустые и бессодержательные перспективы настоящего. Угроза разрыва истории в ее смысло-временной целостности, по мнению Ясперса, требует сознательного обращения к возможностям воспоминания. Для Ясперса воспоминание

становится аналогом исторического сознания вообще. От характера воспоминания — будет ли оно просто антикварным знанием о прошлом или станет понимающим созерцанием — зависит характер историзма, как ложной или подлинной историчности.

К. Ясперс ввел в экзистенциалистскую философию понятие «пограничной ситуации». Именно комплекс проблем, связанный с пограничными ситуациями, выводит нас к определенной культуре духовного самовывживания современного человека в критически-кризисных ситуациях, культуре, сложившейся в рамках экзистенциализма и органично вошедшей в духовный климат современности. С этим аспектом связана терапевтическая функция экзистенциализма в целом и ситуационного подхода в частности. (Не забудем, что сам К. Ясперс пришел к философствованию именно через врачебную, клиническую практику.) В обыденном сознании термин «пограничная ситуация» ассоциируется с нахождением человека перед лицом смерти, страдания, болезни, т. е. перед всем тем, что угрожает его существованию. Но сам факт присутствия угрозы физической, интеллектуальной, моральной гибели не делает ситуацию человека пограничной. Как поясняет Ясперс, даже смерть как объективный фактор эмпирического бытия в его посясторонности еще не есть пограничная ситуация. Только когда человек в предельных, критических условиях переживает хрупкость и конечность своего существования, только когда сквозь предметное просвечивает иной план бытия — «экзистенция», т. е. ноуменальный мир человеческой свободы и свободной воли, человеческая самость, внеположенная всему предметному, — только тогда ситуация человека становится пограничной. Через пребывание в пограничной ситуации человек открывает для себя трансцендентный мир, точнее его существование, таинственным образом связанное с его собственным. Перед лицом пограничных ситуаций существование предстает как конечность, соотношенная с трансценденцией, как явленность трансцендентного в имманентном, подчеркивает П. П. Гайденок, комментируя идеи немецкого мыслителя [2, с. 34, 36]. Таким образом, именно трансцендентно-экзистенциальное измерение делает эмпирически предельную, критическую ситуацию пограничной. Принадлежность к определенному народу, среде, эпохе, наличие у индивида тех или иных биологических, пси-

хических и других качеств — это эмпирическое выражение изначально-ситуационного характера экзистенции, того, что она есть «бытие-в-мире». Временность, историчность, ситуационность экзистенции — модусы ее конечности. И именно из конечной точки, в которой пребывает экзистенция, осуществляется акт трансцендирования, выход за свои пределы. Ясперс в своих размышлениях стремился реализовать принцип присутствия бесконечного в конечном. Конечное (одухотворенное конечное) предстает как способ актуального присутствия бесконечного, если конечное не забывает при этом о своей конечной природе. «Незримый Бог отдаляется, когда я хочу его постигнуть, и неожиданно близок в абсолютной историчности каждой данной ситуации» [10, с. 437]. Не следует буквально отождествлять трансцендентное с «Незримым Богом». Для Ясперса трансцендентное, в реальности которого он не сомневается, носит скорее символический характер, и если связано с верой, то с верой философской. Именно в этом контексте появляется у Ясперса образ «вечность настоящего». Понятие «Объемлющее», столь часто встречающееся в ясперсовском философствовании, в данном контексте выглядит не просто как объективная историческая данность окружающего нас мира. Оно — вне субъект-объектной дихотомии. Его можно определить как бытие, модусами которого являются мир, трансценденция и мы в качестве наличного бытия и возможной экзистенции. Это то пространство, в конечно-историчной точке которого и происходит встреча трансценденции и экзистенции.

Такое понимание пространства подлинной человеческой ситуации задает определенные смысложизненные и поведенческие ориентиры. Эти ориентиры определяются безусловным требованием, цели которого вне наличного бытия, где господствует польза или авторитет. Безусловное исходит именно из трансцендентно-экзистентного измерения ситуации. Хотя безусловное и явлено нам в историчности «здесь-и-теперь», оно не становится временным. «Безусловное требование подступает ко мне во временности моей настоящей жизни как требование к моему наличному бытию со стороны моей подлинной самости, требование того, что как бы вечно есмь перед трансценденцией... Само безусловное не становится временным. Там, где оно есть, оно и перпендикулярно времени. Оно вторгается в этот

мир из трансценденции путем, который идет через нашу свободу» [10, с. 437]. Поиск трансцендентно-экзистентного измерения ситуации, обращение к области безусловного, вынесение за скобки условий мира и наличного бытия, пусть даже самых трагических и кризисных, придает человеку уверенность в том, что не существует события, которому он побоялся бы взглянуть в лицо, что он способен стойко перенести перспективу «заката истории». Эта уверенность — одна из составляющих отмеченной нами культуры претерпевания и осмысления критически-кризисных ситуаций, перед лицом которых неизбежно оказывается современный человек.

Делая смысловым центром понятия «пограничная ситуация» не столько объективно-эмпирический факт нахождения перед лицом смерти, вины, болезни, крушения, сколько явления в пограничных ситуациях взлеты духа до высот трансценденции и экзистенции, Ясперс, тем самым, расширяет область применения понятия «пограничная ситуация». Для него духовная ситуация возникает лишь там, где человек ощущает себя в пограничных ситуациях, совершенно неустрашимых в существовании. Только в них человек обнаруживает свое самобытие-судьбу. Только в них он слышит призыв к своей свободе. Если же происходит преодоление напряжения, антиномичности, трагизма, свойственных пограничным ситуациям, то это преодоление мнимое, это «путь обмана». Таким образом, ощущение предельности, пограничности собственной ситуации — это не удел, с которым можно бороться, а скорее цель, к которой следует стремиться. Ясперс неоднократно использует символ «крушения» как шифра бытия и как синоним существования. Он тесно связан с изначальной, глубинной предельностью, пограничностью человеческого существования. Таково в общих чертах представление К. Ясперса о «ситуации».

Постановка и изложение проблемы в виде этюдов и предварительных набросков не предполагает развернутых и четких выводов. Наша резюмирующая часть может содержать лишь промежуточные итоги, они же являются и пунктами фиксации тем и перспектив будущих исследовательских разведок.

Обращение мыслителей различных направлений к «фундаментальной ситуации человека», «ситуации человека в мире», «духовной ситуации эпохи», «бытийно-исторической ситуа-

ции» можно зафиксировать в форме концепта «*ситуационное (ситуационно-историческое) сознание*» как одной из составляющих духовной культуры современности. Содержание и рамки этого важнейшего умонастроения и атмосферы эпохи весьма трудно определить. Оно присутствует в виде некоего мироощущения и смыслового горизонта, позволяющего объяснять и переживать радикальные и часто катастрофические сломы, кризисы, трансформации истории; менять оптику взгляда и векторы действия.

Большую определенность имеет теоретико-методологический вектор ситуационного сознания, который можно обозначить как ситуационный подход, присутствующий в различных областях научно-гуманитарного знания. Он обращен к индивидуально-личностному, точечному, дискретному масштабу социокультурного бытия, масштабу человекосоразмерного. По своему проблемному профилю ситуационный подход органично связан с биографическим жанром и в этой связи он может послужить методологической основой биографических исследований и изучения феномена автобиографии.

Если подытожить итоги рассмотрения нами двух версий понимания «ситуации» — у Г. В. Ф. Гегеля в «Лекциях по эстетике» и у К. Ясперса в «Духовной ситуации эпохи», то можно сделать предварительные выводы. Понятие «ситуация» Гегель вводит для описания саморазвития Духа (Идеала) и его погружения в область «противоположностей запутанного земного существования». При рассмотрении отношения Идеала к внешнему миру появляется «ситуация». Она определяется как особенность состояния, определенность которого вносит в «субстанциальное единство разлад и напряженность, побуждающие к действию». В гегелевской версии «ситуация» не стала самостоятельным объектом исследования. Тем не менее, здесь зафиксированы важные различия: состояние — ситуация — коллизия. Именно через ситуацию у Гегеля открывается простор активности человеческой индивидуальности как единственно возможной формы самоосуществления всеобщих субстанциальных сил действия. Всеобщее содержание этих сил предстает в отдельных индивидах как целостность и единичность. Таким образом, Гегель, не задумываясь над этим специально, выделил существенные характеристики понятия

«ситуация»: связь с человеческой индивидуальностью, непосредственная предпосылка к действию, единство целостности и единичности.

В версии К. Ясперса, в которой понятия «ситуация», «духовная ситуация», «пограничная ситуация» играют значительную роль, акцент сделан на ситуационном обосновании принципа первоисторичности личности. В данном случае мы можем говорить о наличии осознанного ситуационного похода, как выражения ясперсовского ситуационно-исторического сознания. В условиях глубочайшего кризиса и трагического разочарования в истории философ предпринимает попытку отстоять идею целостности и единства человеческой истории. И у него, так же как у Гегеля, определяющими характеристиками «ситуации» стали целостность и единичность. Ситуация в определенном смысле является первичной структурой истории, постигаемой как духовная действительность человеческого бытия в определенных пространственно-временных рамках.

Литература

1. Аверинцев С. С. Ясперс // Философская энциклопедия. — М. : Советская энциклопедия, 1970. — Т. 5. — С. 620–622.
2. Гайденко П. П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991. — С. 5–28.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4 т. / [пер. с нем. Б. Г. Столпнер]. — М. : Искусство, 1968. — Т. 1. — 321 с.
4. Голубович И. В. Методологические проблемы ситуационного подхода и его применение в современных гуманитарных исследованиях: дис. ... канд. филос. н. : спец. 09.00.03 — социальная философия и философия истории. — Одесса : Южноукраинский пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 1997.
5. Голубович И. В. Биография как социокультурный феномен: философско-методологический анализ : дис. ... докт. филос. н. : спец. 09.00.03 — социальная философия и философия культуры. — Одесса: Одес. нац. ун-т им. И. И. Мечникова, 2008.
6. Желенина И. С. Историческая ситуация: Методология анализа. — М. : МГУ, 1987.
7. Кертман Л. Е. Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. — 1971. — № 1. — С. 56–78.
8. Соловьев Э. Ю. Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса // Вопросы философии. — 1968. — № 5. — С. 15–29.

9. Соловьев Э. Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. — М., 1991. — С. 19–66.

10. Ясперс К. Духовная ситуация эпохи / [пер. с нем. М. Л. Левиной] // Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991. — С. 288–402.

Ситуация и биоконцептография

Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Том 12. Лекции по эстетике. Книга 1. [Djvu 28.5M] / пер. Б. Г. Столпнера; АН СССР. Ин-т философии. — (Москва: Соцэкгиз, 1938. (Скан, обработка, формат Djvu, предоставил: Тимофей Марченко, 2012).

Василий Модестов взял за основу своего русского перевода именно французское изложение Шарля Бенара. Перевод был издан в 1847–1860 годах: первая и вторая части в 1847 году, а третья (состоящая из нескольких книг) в 1859–1860. Перевод был также переиздан в 1869 году, но не полностью: была переиздана только третья часть произведения. Оба русских издания повторяли оба французских. Лишь в 1938–1958 годах появился первый перевод Гегеля выполненный с немецкого Б. Г. Столпнером. В 1968–1973 гг. вышел переработанный перевод «Эстетики» под редакцией и с предисловием М. Лифшица. Третье издание появилось совсем недавно (2007 г.) и представляет собой переиздание гегелевского труда под редакцией Б. Г. Столпнера 1938–1958 гг.